

НЕКОТОРЫЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ (КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НА МАТЕРИАЛАХ ФЕДЕРАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО УРОВНЕЙ)

Рассматриваются различные социально-экономические детерминанты женской преступности, действующие на общесоциальном уровне. Выявляются особенности их влияния на женскую преступность.

Ключевые слова: детерминанты преступности; социально-экономическая сфера; преступность женщин.

Проблема причин преступности является одной из центральных в криминологии. Рассматривая детерминанты женской преступности, под ними следует понимать совокупность трех явлений: непосредственно причины, условия действия этих причин и факторы, обуславливающие преступность.

Различия между выделенными детерминантами (собственно причинами, условиями и факторами) в достаточной мере условны. В реальных обстоятельствах они не действуют изолированно друг от друга, а существуют в тесной взаимосвязи, воплощаясь в единую криминогенную ситуацию.

Исследование детерминант преступности, в том числе женской, целесообразно и обоснованно осуществлять на трех уровнях: общесоциальном (на уровне всего общества), социально-психологическом (на уровне малых социальных групп) и психологическом (взаимодействие личности преступника с конкретной жизненной ситуацией совершения преступления).

Общесоциальные детерминанты женской преступности связаны с социальными явлениями и процессами, происходящими в обществе в целом, и отражающимися на жизни макрогрупп (возрастных, национальных и т.п.) [1. С. 145–148]. Среди детерминант данного уровня особое значение принадлежит тем, которые действуют в социально-экономической сфере.

Кризисное состояние экономики само по себе является мощным источником криминальной напряженности в обществе. Сокращение уровня производства, повышение цен, рост инфляции, безработицы – все эти явления ведут к существенному ухудшению уровня жизни населения, обострению имеющихся противоречий, социальной напряженности и, в том числе, к росту преступности. Социально-экономическая ситуация в конкретных регионах страны в целом повторяет тенденции, происходящие на общесоциальном уровне. Однако существуют и некоторые территориальные особенности.

Социально-экономическое положение в Сибирском федеральном округе (СФО), во входящих в него субъектах (в частности, в Новосибирской, Кемеровской, Томской областях), предопределяет условия жизни в них. В округе достаточно остро стоит проблема безработицы, уровень которой превышает общероссийский, особенно среди женщин и молодежи. Если в целом по стране в 2008 г. уровень безработицы составлял 6,3%, то в Новосибирской области он достигал 7,3%, в Кемеровской – 6,7, а в Томской – 8,0%. При этом по округу его величина равнялась 8,3% [2. С. 104, 115, 117, 118].

Безработица – явление опасное во многих отношениях. Исключение человека из сферы занятости – по-

трясение, которое резко нарушает его привычный образ жизни: лишает стабильного источника средств к существованию, обычной среды общения. Отсутствие заработка не позволяет удовлетворять естественные потребности (в еде, одежде, жилище и т.п.). Однако проблема материальной обеспеченности – не единственная из тех, что встает перед безработным. Само по себе увольнение – это стресс, но и наступающий после него период поиска новой работы обычно также не отличается безмятежностью. Состояние нестабильности порождает чувства незащищенности, тревожности, которые усиливаются тем больше, чем дольше человек не может трудоустроиться.

Еще одним негативным последствием длительного пребывания в статусе безработного является профессиональная деградация. Между тем неизбежным следствием ухудшения профессиональных знаний и навыков является меньшая заинтересованность работодателя в таком потенциальном «соискателе». То есть факт отсутствия работы, с одной стороны, не позволяет поддерживать и повышать квалификацию, с другой – потеря квалификации становится препятствием для получения работы.

Сам по себе факт, что безработицу следует рассматривать в качестве общесоциальной детерминанты женской преступности, сомнений не вызывает. Безработица среди женщин в Российской Федерации в 2008 г. достигала 6,1% от числа экономически активного женского населения [2. С. 104]. Между тем среди женщин-преступниц величина рассматриваемого показателя значительно выше и составляет, по данным нашего исследования, 58,7%.

В литературе отмечается [3. С. 31], что мужчины и женщины, оказавшись безработными, демонстрируют различное поведение. Есть мнение, что представительницы «слабого пола» в такой ситуации часто оказываются вынужденными не просто менять свой социальный и профессиональный статус, а значительно снижать его [4. С. 28–29]. Однако думается, что эта проблема свойственна и мужчинам. Ее возникновение может быть обусловлено отсутствием вакантных мест в той сфере, в которой субъект осуществлял свою деятельность до увольнения, а также его недостаточной конкурентоспособностью, не обеспечивающей трудоустройства даже при наличии работы.

Между тем сведения официальной статистики подтверждают, что женщины ищут работу намного активнее мужчин. По данным Роструда, в 2007 г. в России из 1553 тыс. безработных, зарегистрированных в государственных учреждениях службы занятости населения, 983 тыс. были женщины, что составляет более 60,0%.

Уровень зарегистрированной безработицы среди мужчин в Российской Федерации в 2005 г. был равен 1,7%, а среди женщин – 3,2%, в 2006 г., соответственно, 1,6 и 3,1%, в 2007 г. – 1,5 и 2,7%, а в 2008 г. – 1,6 и 2,5%. То есть число женщин, официально занятых проблемой трудоустройства, почти в 2 раза превышает соответствующее число мужчин [5. С. 130].

Несмотря на большее стремление женщин найти работу, «успеха» в этом они достигают медленнее и сложнее, чем мужчины. Так, в 2008 г. в Российской Федерации средняя продолжительность поиска работы у мужчин составляла 7,6 месяцев, а у женщин – 8,4 месяцев, в СФО 7,7 месяцев у мужчин и 8,7 месяцев у женщин, в Новосибирской области – 6,5 месяцев у мужчин и 6,8 месяцев у женщин, в Кемеровской – 7,9 месяцев у мужчин и 8,9 месяцев у женщин, в Томской – 7,2 месяцев у мужчин и 8,9 месяцев у женщин [2. С. 140, 141, 144, 145]. При этом женщины (как безработные, так и трудоустроенные) существенно опережают мужчин по среднему профессиональному, высшему и неполному высшему образованию [2. С. 40, 127; 6. С. 11; 7. С. 68, 71]. Указанная тенденция характерна и для преступниц.

Негативным явлением социально-экономической сферы следует признать не востребованность на рынке труда молодежи. В 2006 г. в России 42,7% безработных, а в 2008 – уже 43,0% безработных составляли граждане в возрасте до 30 лет. Из них 33,1% в 2006 г., а в 2008 г. – 33,7% приходилось на возрастную группу от 20 до 29 лет [2. С. 121]. Таким образом, из производственной сферы в наибольшей степени исключается самая активная часть населения. Данный процесс может объясняться количественным и качественным несоответствием подготовки кадров реальным потребностям современного рынка труда, чрезмерной амбициозностью «соискателей», их нежеланием и(или) неспособностью признать свою действительную «стоимость» и «повысить» ее, отсутствием желания у работодателей вкладывать силы и средства в развитие молодых специалистов и т.п. Однако чем бы ни была обусловлена безработица молодежи, криминальную опасность этого явления для страны переоценить сложно. Не следует забывать, что отсутствие вложений в свое будущее сегодня, может привести к тому, что завтра оно не наступит. Ведь именно в возрасте до 30 лет закладывается «фундамент» всей последующей жизни человека – и личной, и профессиональной.

Тот факт, что не востребованность молодежи на рынке труда детерминирует женскую преступность, подтверждается результатами нашего исследования. Установлено, что удельный вес безработных среди преступниц составляет 58,7%. При этом отмечено возрастание как абсолютного числа, так и удельного веса преступниц в возрасте 18–29 лет. Их доля в общем числе женщин-преступниц превышает 40,0%. У представителей указанной возрастной группы также наблюдается наибольшая криминальная активность.

Необходимо учитывать, что детерминировать женскую преступность может не только исключение из сферы занятости, но и характер выполняемой работы. В литературе [8. С. 56; 9. С. 28] неоднократно отмечалась возрастающая активность участия женщин в про-

изводстве, в экономической жизни страны в целом. Между тем результаты нашего исследования не позволяют подтвердить правомерность данного вывода для современного этапа. Анализ официальной статистики за 1995–2008 гг. свидетельствует о том, что на протяжении всего указанного периода женщины в Российской Федерации составляли порядка 49,0% от численности экономически активного населения. Одновременно на долю женщин приходилось 49,0% всего занятого в экономике населения. Следовательно, констатировать всевозрастающую занятость женщин в экономической жизни страны в настоящее время не представляется справедливым. В то же время подтверждается правомерность вывода о значительности роли женщин в экономике [10. С. 182].

Образование и высокая квалификация позволяют женщинам конкурировать и занимать должности, которые раньше предоставлялись только мужчинам – в деловой сфере, финансовых структурах и органах управления. Однако говорить о полном и действительном «равенстве полов» не представляется возможным. Отметим, что неравенство может проявляться в разных областях – в сфере занятости, профессиональной деятельности, разделении труда и уровне его оплаты и др. В принципе, неравенство – явление неизбежное и генетически присущее любому обществу. Искоренить его невозможно и даже не целесообразно. Следовательно, значение имеет не наличие неравенства как такового, а степень разрыва в положении отдельных групп, индивидов, отсутствие реальных равных возможностей у каждого члена общества реализовать себя и факт осознания человеком своего «ущемленного» положения.

Социальное неравенство, в частности неравенство в распределении доходов, резкое расслоение населения по имущественному признаку, существенно влияет на основные показатели женской преступности. По оценкам некоторых исследователей [11. С. 141], разрыв между группами населения с высокими и низкими доходами составляет в настоящее время 12,9 раз, тогда как предельное его значение не должно превышать максимум 8 раз. По данным Федеральной службы государственной статистики, изложенным в статистическом обзоре о социально-экономическом положении РФ, за 2009 г. на долю 10,0% наиболее обеспеченного населения приходилось 31,0% общего объема денежных доходов, а на долю 10,0% наименее обеспеченного населения – 1,9%.

В СФО продолжает снижаться уровень жизни населения, его социальная защищенность. Среднедушевой доход более половины населения округа составляет лишь 63% от величины прожиточного минимума.

В РФ численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума составляет 13,4% от всего населения страны. Значение данного показателя больше в Новосибирской (18,2%), меньше в Кемеровской (11,0%) и почти тождественно в Томской области (13,6%).

Денежные доходы населения в СФО ниже общероссийских, например на 6,0% в Томской и на 18,0% в Новосибирской области. Среднедушевой денежный доход в округе составляет приблизительно 81,0% от величины данного дохода в целом по России.

Детерминирующее воздействие на женскую преступность оказывает рост темпов инфляции. Тем более, что ценовой «пресс» в первую очередь «давит» на население с невысокими доходами, заставляя сокращать потребление предметов первой необходимости и продуктов питания. То есть «бедняки становятся еще беднее», что неизбежно оказывает негативное влияние на их поведение.

Для женщин проблема неравенства приобретает особый смысл, поскольку оно проявляется для них не только в вертикальном аспекте (социальное положение отдельных групп), но и в горизонтальном (взаимоотношениях в рамках одной группы), а именно в общепринятом восприятии женщины как не равного мужчины субъекта.

«Слабый пол» преимущественно занят в тех отраслях, которые традиционно считаются «женскими»: торговля, общественное питание, здравоохранение, образование, культура и т.п. К примеру, в РФ удельный вес женщин в общей численности работающих в торговле в 2008 г. составлял 61,0%, в сфере здравоохранения и предоставления социальных услуг – 79,9, в образовании – 80,4%. Кроме того, большая доля женщин традиционно вовлечена в финансовую деятельность (68,5% от всех работающих в данной области), деятельность, связанную со сферой гостиничных и ресторанных услуг (78,6%), а также в сельское хозяйство (37,1%), на обрабатывающие производства (42,1%) и в сферу государственного управления, обязательного социального обеспечения (40,3%) [2. С. 71–72; 5. С. 137].

Само по себе разделение труда на «мужской» и «женский» уже предопределяет некоторое неравенство. Однако это «неравенство» заключается не только в выборе сферы занятости, но и в предоставляемом за труд вознаграждении: заработной плате и возможностях карьерного роста.

Официальная статистика свидетельствует о сохраняющемся неравенстве в оплате «женского» и «мужского» труда. По данным Росстата, отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин составляло в среднем в 2005 г. 60,7%, в 2007 г. – 63,1%. В большинстве регионов и профессий женщины зарабатывают меньше мужчин. Даже в «традиционно женских» отраслях экономики, которые некогда не относились к высокооплачиваемым, доходы мужчин в целом выше. Например, в 2007 г. отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин в образовании составляло 89,3%, здравоохранении – 85,1, торговле – 68,6, а в культуре – 63,5%. Отчасти указанная разница в оплате «женского» и «мужского» труда может объясняться тем, что 62,9% руководящих должностей (в органах власти и управления, а также в организациях) в различных сферах профессиональной деятельности занимают представители «сильного» пола [2. С. 80–81].

Между тем женщины получают меньше мужчин не только за работу в одних и тех же отраслях экономики, но и за выполнение одинаковых трудовых функций на тождественных должностях. В частности, в 2007 г. средняя начисленная заработная плата руководителей организаций и их структурных подразделений (служб) составляла для мужчин 28380 руб., а для женщин 19314 руб.; специалистов высшего уровня квалифика-

ции – для мужчин 18389 руб., а для женщин 13462 руб.; работников сферы обслуживания и торговли – для мужчин 11477 руб., а для женщин 7533 руб. То есть отношение доходов женщин к доходам мужчин по указанным занятиям и должностям равнялось соответственно, 68,1, 73,2 и 65,6% [2. С. 434–436].

Исходя из изложенного, представляется, что разница в оплате труда является следствием не только территориальной, отраслевой, должностной или профессиональной, но и гендерной дифференциации, а именно принадлежности работника к тому или иному полу.

По-прежнему некоторая часть женщин занята тяжелым физическим трудом, работает в условиях, не отвечающих санитарно-гигиеническим нормам, правилам охраны труда. Так, на конец 2008 г. от общей численности женщин, работающих в промышленности, строительстве, транспорте и связи, удельный вес занятых на тяжелых работах составлял соответственно 12,5, 3,2, 3,4 и 0,6%; занятых на работах, связанных с напряженностью трудового процесса, – 15,8, 2,2, 6,3 и 0,8%; работающих в условиях, не отвечающих гигиеническим нормативам, – 63,9, 7,1, 16,9 и 1,9% [2. С. 313].

Тяжелый, напряженный, неквалифицированный труд не только не приносит морального удовлетворения, не способствует духовному развитию личности, но и значительно ее огрубляет, изматывает и физически, и эмоционально. Работа, не предоставляющая возможностей для развития и раскрытия внутреннего потенциала, не может оказывать должного воспитательного воздействия. В литературе [9. С. 29] отмечается, что у женщин, занятых низко квалифицированным трудом, нередко вырабатывается к нему исключительно утилитарное, потребительское отношение лишь как к средству заработка, возникает чувство безразличия, равнодушия к исполняемым обязанностям, а также практически полностью отсутствует заинтересованность в конечном результате. Подобные негативные настроения, в конечном счете, оказывают воздействие на мировоззрение женщин, формируя у них (в некоторых случаях) антиобщественную мотивацию поведения.

Детерминирующее влияние на женскую преступность тяжелой и малоквалифицированной работы подтверждается тем, что среди преступниц доля рабочих достигает 18,0% [12. С. 29]. Соответственно, данной группе принадлежит второе место по удельному весу при классификации преступниц по роду занятий.

Неблагоприятное состояние экономики предопределяет сложную социальную ситуацию. Однако наше государство не обеспечивает достаточную поддержку семье, материнства и детства, не защищает должным образом эти самые важные для женщины институты. Современное состояние систем бесплатной медицинской помощи, дошкольного образования нельзя признать в полной мере соответствующим реальным потребностям общества. Такое положение затрудняет успешное решение проблемы «двойной занятости», а именно – совмещения женщинами трудовой деятельности с заботой о семье и детях. Необходимость должным образом выполнять широкий круг обязанностей (профессиональных – на работе, матери и жены – в быту), неизбежно приводит к чрезмерным перегрузкам,

которые отрицательно влияют и на психическое, и на физическое здоровье женщин.

Низкий уровень социальных гарантий в области материнства и детства также препятствует решению одной из серьезнейших проблем современной России – демографической. Естественный прирост в СФО, также как и в общем по России, имеет отрицательное значение (–1,7 в округе; –3,3 по стране), хотя и выше среднефедерального почти в 2 раза. Из трех субъектов самым высоким значение данного показателя является в Томской области (–0,8), а самым низким – в Кемеровской (–4,5).

Характеризуя влияние демографической ситуации на женскую преступность, нельзя не обратить внимание на миграционные процессы. По некоторым данным, доля мигранток среди осужденных к лишению свободы женщин составляет 13,0% [13. С. 7]. Миграционный прирост в Томской и Кемеровской областях превышает общероссийский. Если в целом по стране миграционный прирост на 10 000 населения составил в 2007 г. 18,2, то в Томской и Кемеровской областях 26,2 и 34,8 соответственно. В Новосибирской области миграционный прирост незначительно отличался от федерального (13,9). При этом интересно, что по округу данный показатель имел отрицательное значение (–1,8).

Следует отметить, что негативно отражается на показателях женской преступности не любая миграция. Отрицательное влияние оказывают, прежде всего, перемещения населения, обусловленные нестабильностью, существованием конфликтной, обостренной обстановки (социально-экономической, политической) в каком-либо регионе. Такая миграция приводит к появлению беженцев, вынужденных переселенцев, которые нуждаются в особых мерах поддержки и защиты. Социальная неустроенность и незащищенность данной

группы превращает их в объекты повышенного криминального и виктимологического риска.

Детерминирующее воздействие на женскую преступность также оказывает миграция женщин из села в город. Большая свобода, разнообразие и соблазны города могут подтолкнуть к «неправильной компании», «неправильному поведению» и, в конце концов, к антиобщественному или даже преступному образу жизни. Похожая «судьба» нередко ожидает и тех представительниц «слабого пола», которым не удается благополучно устроиться в новых условиях, но возвращаться на село они полагают нецелесообразным или уже невозможным.

В определенной степени женскую преступность детерминирует урбанизация. Доля «городских» среди всех преступниц составляет почти 90,0%. «Город» – это не только место проживания, но и определенная культура, даже образ жизни. В городе контроль за личностью значительно снижен. С одной стороны, это обеспечивает большую самостоятельность, но с другой – лишает поддержки и защиты.

Таким образом, среди основных социально-экономических детерминант женской преступности, действующих на общесоциальном уровне, можно выделить безработицу, опережающий рост расходов над доходами вследствие инфляции, невостребованность на рынке труда молодежи, характер выполняемой работы и условия труда, социальное и экономическое неравенство разных групп населения, гендерное неравенство, проявляющееся, в том числе, в сфере занятости, должностном положении и оплате труда, а также низкий уровень социальных гарантий в области семьи, материнства и детства, миграцию и урбанизацию населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Общая часть: Учеб. пособие. Красноярск: Горница, 1997. 256 с.
2. Труд и занятость в России: Стат. сб. 2009. М.: Росстат, 2009. 623 с.
3. Шеслер А.В., Смолина Т.А. Криминологическая характеристика и профилактика женской преступности: Учеб. пособие. Тюмень: Тюмен. юрид. ин-т МВД России, 2008. 95 с.
4. Гимпельсон В.Е., Магун В.С. Уволенные на рынке труда: новая работа и социальная мобильность // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 28–31.
5. Российский статистический ежегодник: Стат. сб. 2009. М.: Росстат, 2009. 795 с.
6. Женщины и мужчины Новосибирской области: Стат. сб. Новосибирск: Новосибирскстат, 2004. 103 с.
7. Кузбасс. История в цифрах: Стат. сб. 2008. Кемерово: Кемеровостат, 2008. 322 с.
8. Антонян Ю.М. Преступность среди женщин. М.: Российское право, 1992. 256 с.
9. Голодюк М.Н. Некоторые вопросы женской преступности // Вестник Московского университета: право. 1978. № 1. С. 23–30.
10. Щербакова Л.М. Женская насильственная преступность в современной России: криминологические проблемы: Дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2008. 478 с.
11. Святенко И.Ю., Маслюк С.Г. Проблемы глобализации и защиты национальных интересов России // Право и безопасность. 2002. № 4. С. 139–141.
12. Преступность в Томской области: Стат. сб. 2007. Томск.: Томкстат-Т, 2007. 90 с.
13. Волкова Т.Н. Особенности женской преступности в России. М.: МЮИ МВД России, 1998. 62 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 июня 2010 г.